

А.Л. Никифоров

Историческая память и Великая Отечественная война

Во избежание недоразумений хочу сразу же предупредить, что это – не официально-парадный, а обычный доклад на научном семинаре отдела эпистемологии. В нем будут высказаны целых три идеи. Правда, одна из них мне представляется сомнительной, а две другие – тривиальны, однако их совокупность может оказаться интересной.

Память определяют как способность человека хранить и воспроизводить информацию о событиях прошлого. Психологи выделяют различные виды памяти: произвольную и произвольную, кратковременную и долговременную и т.д. Для нас в данном случае важно то, что они отличают память чувств, память образов и вербальную память.

Историки, социологи, публицисты часто говорят о памяти общества, о национальной или исторической памяти. Многие видят в такой памяти важнейшую опору национального самосознания и одну из основ национальной идентичности: «Историческая память является ценностной опорой национального самосознания, источником самооценки народа, его самоуважения, а во многом – ценностей и идеалов, определяющих силу нации, ее способность выдерживать исторические испытания, а значит, способность к развитию. В этом смысле прошлое... в решающей степени предопределяет настоящее и будущее».¹ Действительно, когда я сегодня читаю книгу современного монгольского историка о походе Батыя на Русь – книгу, в которой историк с восхищением описывает, как татаро-монголы жгли и грабили русские города, как угоняли в неволю тысячи женщин и детей, засекая плетью ослабевших и отставших, то почему в душе моей пробуждается скорбь и вспыхивает ненависть? Какое мне, в конце концов, дело до этих людей и событий, происходивших почти восемь веков тому назад? Почему я гораздо спокойнее читаю о завоевании Англии нормандским герцогом Вильгельмом или о бедствиях французов в период Столетней войны? По-видимому, это и есть то, что называют исторической памятью. Попробуем понять, что это такое.

Французский социолог Морис Хальбвакс одним из первых обратил внимание на то, что память различных социальных групп, из которых складывается общество, может в большей или меньшей степени отличаться от исторической памяти общества. Харальд Вельцер, директор Центра междисциплинарного исследования памяти в Эссене (Германия), подчеркивает серьезные расхождения между, так сказать, «приватной» памятью – той памятью о прошлых событиях, которая сохраняется в семьях

¹ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Память о Великой Отечественной войне. – Народ и война 1941 – 1945 гг. М., 2010, с. 671.

или небольших социальных группах, и «официальной» памятью – той памятью, которая поддерживается и пропагандируется государством и его институтами. Большинство авторов, писавших на эту тему, исходит из того, что память – это некий «след», который события прошлого оставили в сознании людей. Итальянский историк Мария Ферретти отрицает существование какой-либо памяти в этом смысле: «...часто говорят о коллективной памяти, о социальной памяти, о групповой памяти, о национальной памяти или о памяти общества... Проблема заключается в том, что памяти самой по себе, так же как и прошлого, не существует. Это всегда конструкция, результат непрерывной и неслышной активности, порой сознательного, а порой бессознательного взаимодействия многочисленных людей и разнонаправленных сил, которые снова и снова ткнут воздушное покрывало прошлого... И тем не менее можно без труда наблюдать нечто, что естественным образом называется памятью, а именно... ту совокупность представлений о прошлом, которая в данном обществе, в данный исторический момент становится доминирующей и образует нечто вроде разделяемого большинством «здравого смысла». Понимаемая в таком значении, память предстает как один из источников национальной идентичности, то есть того чувства причастности к определенному сообществу, которое, как раз благодаря характерным для него общим местам и мифам, узнает себя в общем прошлом – и, следовательно, общем настоящем».² Прошу прощения за длинную цитату, но нам важно обратить внимание на то, что для Ферретти память – это не «отпечаток», не «след» событий прошлого в сознании людей, а то, что конструируется и внушается населению государством, средствами массовой информации, искусством и т.п. Это очень важная мысль, хотя, на мой взгляд, и не совсем верная.

Резюмируя разнообразные подходы к истолкованию понятия исторической памяти, мы могли бы сказать следующее. *Историческая память есть сохранение и воспроизведение чувств, образов и представлений общества о своем прошлом.* Важно иметь в виду, что эти представления формируются не просто языком, т.е. прочитанным и услышанным, а соединены с эмоциями, переживаниями и наглядно-чувственными образами.

Как и память отдельного индивида, историческая память носит *избирательный* характер: общество сохраняет в своей памяти не все, а лишь немногие события, которые оказали влияние на жизнь всего общества или его значительной части, помнит лишь о некоторых лицах, деятельность или поступок которых вызвал отклик в сознании множества людей. Сохраненные в исторической памяти события и лица часто приобретают *символическое* значение: они в концентрированном виде воплощают в себе множество похожих событий или поступку отдельного индивида память придает значение нравственного идеала, образца для подражания. Скажем, историческая память нашего народа сохранила подвиг Александра

² Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему. – Там же, с.135 – 136.

Матросова. С одной стороны, это сохранение памяти о множестве героев, совершивших аналогичный подвиг, с другой стороны, память о поступке Александра Матросова выражает нравственный образец самопожертвования во имя защиты родины.

Я в данном случае хотел бы обратить внимание на одно существенное отличие коллективной исторической памяти от памяти индивида о своем прошлом. В отличие от индивидуальной памяти, которая, в общем, остается одной и той же на протяжении жизни, историческая память изменяется с течением времени. И я хотел бы высказать одно общее утверждение о характере этого изменения.

У того поколения людей, которое пережило некоторое крупное историческое событие, затронувшее судьбы миллионов людей, память об этом событии сопряжена с эмоциональными переживаниями и чувственными образами. Скажем, те люди, которые были свидетелями запуска первых советских спутников, до сих пор помнят о том, как сотни людей на улицах напряженно вглядывались в вечернее небо, стараясь разглядеть быстро скользящую звездочку. Для них фраза «В 1957 г. в СССР был запущен первый искусственный спутник» соединена с образом этих людей и радостным подъемом, который тогда переживали все советские люди.

Следующее поколение, которое само уже не было свидетелем и участником события, а только слышало о нем от родителей, будет вспоминать об этом событии уже гораздо менее эмоционально. Для третьего поколения приведенная выше фраза будет уже только неким утверждением о прошлом, которое нужно проверять, обосновывать или даже можно подвергнуть сомнению. Память этого поколения будет чисто вербальной – почерпнутой из письменных источников, из мемуаров, учебников, СМИ. Она действительно станет, как говорит М.Ферретти, конструируемой системой представлений о прошлом.

Таким образом, можно высказать следующее утверждение: чем дальше в прошлое уходит событие, тем больше утрачивает память о нем эмоционально-образную составляющую и становится чисто вербальной, т.е. памятью утверждений.³ Следовательно, тем легче конструировать такую память и манипулировать ею.

Я хотел бы проиллюстрировать это утверждение на примере исторической памяти о Второй мировой войне в Германии и в России.

Для большей части населения Германии война, начавшаяся осенью 1939 г., была чем-то далеким, основные сражения разворачивались в тысячах километров от ее территории – в степях и лесах России, а песках Северной Африки. Правда, начиная с середины 1943 г., население стало страдать от бомбардировок англо-американской авиации. Вот, например, какую картину рисует нам одна из записей в дневнике Геббельса: «29 июля. В течение ночи мы пережили самый сильный налет из всех, что были совершены на

³ Это утверждение не является вполне верным и требует коррекции, однако здесь я не хочу на этом останавливаться.

Гамбург...от 800 до 1000 бомбардировщиков...Кауфман (местный гаулейтер) прислал мне первое донесение...Он пишет о катастрофе, размах которой потрясает воображение. Город с миллионным населением был уничтожен беспрецедентным в истории способом. Перед нами стоят проблемы, которые почти не поддаются решению. Население в миллион человек необходимо снабдить продовольствием, обеспечить одеждой и жильем и как можно скорее эвакуировать. Короче говоря, мы столкнулись здесь с проблемами, в существование которых не верилось всего лишь несколько недель назад...Кауфман говорит примерно о 800 тысячах бездомных, которые бродят по улицам, не зная, что предпринять...».⁴

Как должно было население Германии относиться к этим варварским бомбардировкам? Они могли лишь вызвать ненависть населения к врагам, способным на такие методы ведения войны, и подогреть надежду на «оружие возмездия», которое обещал Гитлер. С приближением 1945 г. началось бегство населения из восточных районов страны от наступающих советских войск, разгорелись сражения уже на самой немецкой земле, вражеские войска со всех сторон вторглись в Германию, началась оккупация. Вот что осталось в сознании немцев от войны – это было именно то, что им пришлось пережить, прочувствовать, вынести. Это то, что осталось в памяти поколения, пережившего войну. О лагерях смерти – Освенциме, Майданеке, Заксенхаузене, Бухенвальде, об «окончательном решении» еврейского вопроса, о зверствах вермахта на оккупированных территориях СССР, в Польше, в Югославии большинство немцев знало очень мало. Солдаты, приезжавшие в отпуск с Восточного фронта, рассказывали в семьях о своих подвигах на полях сражений, а не о том, как они убивали стариков, женщин, детей, сжигали деревни, разрушали города. Поэтому немцы считали, что Германия ведет обычную войну, каких в истории было немало, что вермахт доблестно сражается, а конечное поражение было обусловлено громадным превосходством противника в людских и материальных ресурсах. Немцы помнили о *своих* страданиях, а о страданиях *других* народов, причиненных войной, которую развязала Германия, они не знали и знать *не хотели*.

Поэтому все усилия оккупационных властей и послевоенного правительства Германии (ФРГ) раскрыть населению глаза на злодеяния фашизма в первые десятилетия после войны имели очень слабый эффект: «... все более и более заметной, - пишет Х. Вельцер, - становится разница между публичной культурой памяти, создаваемой школой, политикой и дидактикой мемориальных комплексов, с одной стороны, и приватной памятью, сохраняемой, например, в семьях, с другой; в то время как в Германии публичная культура коммеморации и памяти сфокусирована на преступлениях нацизма и на Холокосте, в центре семейных воспоминаний стоят страдания немцев, связанные с войной и изгнанием, бомбежками и пленом. Преследования и истребление еврейского населения практически не

⁴ Цит. по: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2, М., 1991, с. 400.

обсуждаются».⁵ Да, память поколения, пережившего некоторое событие, настолько насыщена эмоционально-образным содержанием, что ее почти невозможно изменить.

Однако по мере того, как у последующих поколений немцев эмоционально-образная память становилась все слабее, их историческая память о Второй мировой войне все более поддавалась воздействию средств массовой информации. В январе 1979 г. по телевизионной программе ARD прошла трансляция американского художественного сериала «Холокост». У экранов телевизоров собралось более 20 миллионов зрителей, которые впервые (!) осознали страшную правду о трагедии «окончательного решения еврейского вопроса» и задумались о молчании или бездействии миллионов равнодушных сограждан. Ну да, по мере того, как собственные страдания стали забываться, можно было начать осознавать страдания других. И лишь в последние два десятилетия историки Германии стали говорить о том, что творила фашистская армия на территории СССР. Но сознание немцев до сих пор отторгает эту правду. «Для историков, для общественного мнения ФРГ обращение к криминальной роли германской армии играет особую роль. Слова «Освенцим» и «Холокост» давно уже стали предостережением для большинства немцев, однако признание «Другого Холокоста» - злодеяний по отношению к народам СССР – отторгалось массовым сознанием. Восприятие ужасающей картины «войны на Востоке» вызывало аллергию и у историков, и у большинства граждан Федеративной республики».⁶

И это следует признать вполне естественным! Мы начали с констатации того, что историческая память является опорой национального самосознания, источником самооценки народа. Народная память хранит только то, чем можно гордиться, она может сохранить воспоминание о трагедии, но только как о героической трагедии. Историческая память вытесняет, отторгает или оправдывает воспоминания о злодеяниях, совершенных нацией. Трудно жить, совершив преступление и все время помня об этом. Трудно жить, считая своего отца преступником и злодеем. Хочется переложить вину на кого-то другого, найти смягчающие и оправдывающие обстоятельства или, по крайней мере, сослаться на то, что другие были еще хуже. Именно это и происходило с исторической памятью немцев после Второй мировой войны.

Обобщенную картину того, каким образом массовое сознание немцев защищалось от внедрения в него, в историческую память темы вины и ответственности за ужасы Второй мировой войны рисует наш известный социолог А.Г.Здравомыслов, который провел в Германии специальное исследование:

«Судя по публикациям на тему о войне, - пишет он, - и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен следующими вехами:

⁵ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. – Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005, с. 52.

⁶ Борозняк А. ФРГ: Волны исторической памяти. – Там же, с. 111.

- стремление ввести в дискурс концепцию «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной «ужасности» войны и, как следствие, дегероизации воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 20-е, и даже 30-е годы, при этом «проба сил» в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;

- преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как «неправильный союзник». Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;

- выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы «коллорабационизма». Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;

- продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? – «поражение» или «освобождение»? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу «поражения», несмотря на заявления отдельных политических деятелей Германии об «освобождении» (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);

- интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, приравниваемой к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине «Топография террора»;

- введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;

- признание вины за Холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, то есть, перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения».⁷

Иллюстрацией выводов А.Г.Здравомыслова может служить немецкий фильм «Сталинград», выпущенный на экраны в 1992 г. – к 50-летию Сталинградской битвы. Казалось бы, это весьма постыдная страница в истории вермахта – окружение и гибель почти 300-тысячной армии, к тому же почему-то оказавшейся за 3 тысячи километров от границ своего государства. Что делала там эта армия? Зачем она туда пришла? Нет, авторы фильма не ставят таких «неудобных» вопросов. Они создают образ героев, скрепленных братской дружбой, готовых на самопожертвование, до конца выполнивших свой воинский долг. Этот фильм показывает, как немцы спустя 50 лет помнят о Сталинграде и как они *хотят* о нем помнить.

Некоторые эпизоды.

⁷ Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., РОССПЭН, 2003, с. 516 – 517.

Вот мы видим молодых красивых ребят, отдыхающих в Италии после боев в Северной Африке. Они трогательно заботятся о раненом товарище, ухаживают за девушками, пьют местное вино.

Но вот приказ: «Батальон направляется на Восточный фронт. Для Рейха необходимо захватить кавказскую нефть и перерезать Волгу – важнейший путь транспортировки нефти в центральные районы России». Эти шеренги крепких молодых ребят в железных касках производят впечатление дисциплинированности и силы.

И вот батальон долго едет по бескрайним равнинам Украины и южной России.

На подходе к Сталинграду. Эсэсовцы гонят колонну советских пленных, избивая их прикладами. Потрясенный командир взвода, лейтенант, возмущенно говорит одному из конвоиров, что нельзя так обращаться с пленными. Его отталкивают в грязь. Все его протесты со смехом отклоняются. Так постепенно начинает звучать и крепнуть основная тема фильма: солдаты вермахта – хорошие; эсэсовцы, нацистская верхушка – плохие – именно они и только они виноваты в жестокостях войны на Востоке.

За мягкое обращение с мирными жителями наших героев отправляют в штрафбат. Здесь они мужественно сражаются с советскими танками и останавливают их прорыв. При этом десяток немецких солдат сжигают 7 – 8 советских танков. (На советских танках отчетливо видна надпись «За Родину!»). Интересно, что могли бы написать немцы на своих танках?).

Наши герои возвращаются в строй. И здесь им предстоит тяжелое испытание: им приказывают расстрелять нескольких гражданских лиц, среди которых старики, женщины и даже один явный ребенок. Они не хотят расстреливать гражданских, просят хотя бы пощадить ребенка, но командующий расстрелом эсэсовец неумолим: вы обязаны выполнить приказ! И они стреляют...

Наконец, толстые генералы сдаются в плен, идут с поднятыми руками. Но наши обмороженные, изголодавшиеся, израненные герои не сдаются. Они уходят в заснеженную степь и там, обнявшись, замерзают. Их замечает снег. Великолепный финал! Они до конца выполнили свой воинский долг, они не сдались, и враг их не сломил.

Фильм точен в деталях. Некоторые русские воины показаны в тельняшках. Действительно, в Сталинграде воевало около 100 тысяч матросов. Показано гражданское население и даже дети. Действительно, несколько десятков тысяч жителей Сталинграда осталось в осажденном городе и помогало Красной Армии. Среди них были и дети. Один из них три раза ходил в разведку. В четвертый раз его схватили, и немец из револьвера выстрелил ему в лицо. К счастью, пуля прошла через рот и вышла через шею. Мальчик притворился мертвым, а потом дополз до своих. Он выжил и впоследствии получил известность. Это – космонавт Константин Феоктистов.

Финал фильма внушает чувство гордости за солдат, которые погибают, но не сдаются. Их победил не противник, их победил мороз. Так даже

смертельное для вермахта поражение кинематографисты и память немцев сумели превратить в нечто такое, чем можно гордиться.

А что же у нас?

Для народов России Вторая мировая война была действительно *Отечественной* войной – мы сражались за свое физическое существование в качестве нации с армией, представители которой считали нас недочеловеками, заслуживающими поголовного истребления или обращения в рабство. Мы отстаивали свое право на существование, мы отстаивали свою культуру, свой язык, свою свободу. Война стоила нам 27 миллионов погибших – солдат, пленных, мирных жителей. Война так или иначе сказалась на жизни каждой семьи в нашей стране, она была громадной трагедией для всего советского народа. Но мы выстояли, мы победили! И Победа в Великой Отечественной войне вошла в историческую память народов нашей страны как символ жертвенности, героизма и нравственного величия всех народов России и, прежде всего, русского народа. Сейчас прошло уже 67 лет со дня окончания Войны, но память о ней, о великой Победе остается одной из важнейших опор национального самосознания. Согласно исследованиям социологов из Левада-центра, на вопрос «Что у вас лично вызывает наибольшую гордость в нашей истории?» 87% опрошенных в 2003 г. ответили: Победа в Великой Отечественной войне.⁸

Хотелось бы обратить внимание на одно характерное обстоятельство. Социолог (философ) Лев Гудков, на данные которого мы ссылались, полагает, что память нашего народа о Великой Отечественной войне была целиком сконструирована и внедрена в общественное сознание средствами пропаганды: «Структурообразующей для коллективной памяти ролью, - пишет он, - Победу в войне наделила многолетняя работа официальных социальных институтов в СССР – школы, армии, СМИ, системы пропаганды и идеологического воспитания. По существу, сегодня мы имеем дело с более или менее выраженной сталинской версией войны и всей истории советского времени, а значит – всей истории XX века. Такая интерпретация войны создана сталинским Генштабом и агитпропом ЦК КПСС».⁹ В свете сказанного выше достаточно очевидно, что это утверждение совершенно ошибочно. Официальная советская интерпретация войны вполне согласовалась с тем, что пришлось пережить советским людям в оккупации, на фронте и в тылу, поэтому она была принята общественным сознанием, поэтому она вошла в историческую память народа. Вошла настолько глубоко и прочно, что несмотря на многолетние усилия поколебать ее, она и ныне сохраняется в сознании подавляющего большинства населения.

Я не буду приводить примеров атаки на историческую память о Великой Отечественной войне, на значение нашей Победы – они слишком многочисленны и потребовали бы еще одного доклада. Укажу лишь на один характерный штрих: 20 мая 2005 г. Сенат США принял резолюцию с

⁸ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян. – Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005, с. 89.

⁹ Гудков Л. – Там же, с. 96.

требованием к Правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 по 1991 годы прибалтийских стран – Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утверждалось, что их включение в состав СССР было «актом агрессии, осуществленной против воли суверенных народов». 23 июля аналогичную резолюцию приняла Палата представителей конгресса США. При этом ни в Конгрессе, ни в Сенате никто не вспомнил о том, что президент США Ф.Рузвельт и премьер-министр Англии У.Черчилль признали границы СССР 1941 г., т.е. признали включение этих стран в состав СССР.

Чтобы несколько снизить пафос своего выступления, динамику исторической памяти о Великой Отечественной войне в нашей стране я проиллюстрирую очень простой историей, которая могла бы произойти с каждым из нас.

Как-то, когда я прогуливался по дороге возле своей дачи, меня укусила собака. Я до сих пор отчетливо помню свой страх и свою злость, помню, как я отбивался от нее ногами и как она вцепилась в мою ногу. Если кто-то попытается убедить меня в том, что этого не было или было не так, я и слушать его не буду. Я не один раз рассказывал своим детям об этой неприятной истории и о тех чувствах, которые тогда испытал. Они помнят о том, что их отца укусила собака, и если кто-то попытается внушить им, что этого не было, вряд ли достигнет успеха. Но вот мои внуки слышали об этом лишь краем уха, и память их об этом событии является целиком вербальной: «Вроде бы когда-то дедушку укусила собака». И вот на их память уже можно влиять. Появляются люди, якобы восстанавливающие историческую «правду»: собака-то не виновата, ведь хвост ее Никифорова не кусал, лапы – не кусали, уши – не кусали, виновата только пасть собаки, а сама-то собака хорошая! Ну да, это верхушка нацистской партии, СС, гестапо плохие, а немецкий народ здесь не при чем. Другой автор делает новое «открытие»: оказывается, это Никифоров хотел укусить хозяйку собаки, а собака, защищая хозяйку, вынуждена была укусить его. И появляется масса публикаций, доказывающих, что Никифоров всегда был кусачим, что еще в детском саду он пытался укусить мальчика, отнимавшего у него игрушку, а вот фотография, на которой он кусает бутерброд с колбасой... (Это об агрессивности большевизма, о его стремлении к мировой революции и т.п.). Наконец, появляется автор, добывший доселе засекреченные документы, неопровержимо свидетельствующие о том, что не собака укусила Никифорова, а, напротив, это Никифоров укусил собаку! Немедленно откуда-то появились родственники не то собаки, не то ее хозяйки, которые стали громко требовать от внуков Никифорова компенсации и возмещения ущерба! Естественно, мои внуки в растерянности, к тому же среди них нашлись такие, которые – кто искренне, а кто за гонорар из иностранных фондов – призывают признать грех дедушки и покаяться.

Вот такая сейчас ведется борьба вокруг исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем если творческая интеллигенция Германии стремится подчеркнуть героические стороны действий вермахта в боевых

действиях и не упоминать о жестокостях, творимых немецкими войсками на оккупированных территориях, или как-то оправдать их, то значительная часть нашей отечественной интеллигенции ведет себя прямо противоположным образом. Однако с течением времени становится все более ясно, что это была величайшая война в истории человечества и такого рода войн уже не будет. Сталинградская битва была самой грандиозной битвой в мировой истории – битвой, в течение полугода сражались миллионные армии, и таких битв уже никогда не будет. И я уверен в том, что несмотря на все усилия замолчать или переписать историю Второй мировой и Великой Отечественной войны память о жертвенном подвиге того поколения, которое вынесло на своих плечах смертельную тяжесть войны и одержало великую Победу, и через тысячу лет будет наполнять гордостью сердца наших далеких потомков – как наполняют гордостью наши сердца воспоминания о Куликовом поле, о Полтаве, о Бородинском сражении.